

Цена—3 коп., съ газетою—5 коп.

Тифлиси, Воскресенье, 9-го Октября.

1-й годъ изданія.

КЪ БАРАТОВСКОМУ ЮБИЛЕЮ.

Памяти кн. Н. М. Бараташвили.

Тебѣ поэтъ, твоимъ твореньямъ
Хвалу я ныне воздаю;
И дань восторговъ пѣнопѣнямъ
Я безпристрастно отдаю.

Ты пѣлъ народныхъ устами,
Саагатъ ты пѣсни для тощамъ;
И пѣснямъ тѣмъ всегда внимали
Прекрасной Грузія сыны.

Но ты умоляхъ, и дивныхъ пѣсень
Уже не пѣть твоимъ роднои!
Ужасн-жь мѣръ сей былъ такъ тѣсенъ,
Что ты ушелъ—съ твоей душой.

Но нѣтъ! Не весь ты мѣръ покинулъ.
Ты часть души отдалъ людямъ;
И мощь твою тотъ не отринулъ,
Кто любитъ правымъ свѣтлымъ храмъ.

Тебѣ данъ небомъ былъ прекрасный
Даръ пѣнопѣнямъ, даръ живои.
Ты былъ нашъ Лермонтовъ кавказскій,
Ты былъ, какъ онъ великъ душой.

Ты жилъ и будешь жить межъ нами,
Тебя не въ силахъ мы забыть;
Твоей дивной даръ не смѣтъ годами,
Ты въ мѣръ вѣчно будешь жить.

М. Казбека.

ნიკოლოზ ბარათაშვილის ხსოვნას.

ვერ შეურიგდი შეურიგებელს,
თახსარსა და ტუნქს ჩვენსა ცხოვრებას;
თუთი ქართლის ერში, შენს სამშობლოში
ვერა პოვებდი სიამოვნებას!

დემონის ფრთებით გატაცებული
შენი ოცნება წყველა-კრულავითა
შორს მიიტოვოდა, მაგრამ თვალგები
გენამებოდა სიყვარულითა!

და ასე—ცისა და მიწის შორის
დატრიალდები მოუსვენარო,
ვით უღაბროში მართკოთა-მართკოთა
თავგანწირული ობოლი მგზავრი!

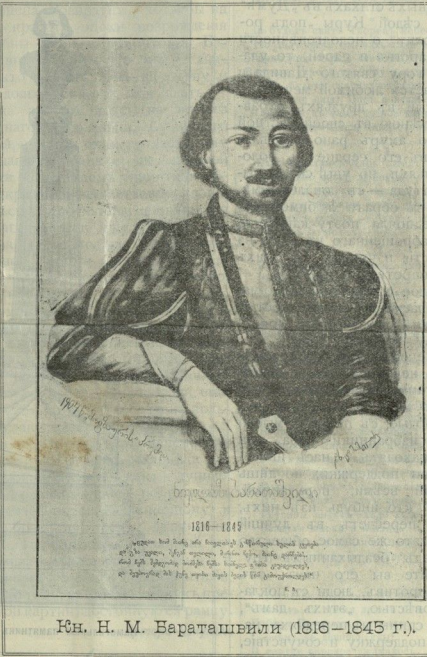
მაგრამ, პოეტო, არ გაქრა კვალი,
შენი ძლიერი მურის კვეთება
კვლავ სცემს ჩივანსა,—და ქართლის
ერსაც,
ოდელდაც მძინარს,—დღეს ეღვიძება!
ევლოშვილი.

Памяти поэта Н. Бараташвили.

День въ день шестьдесятъ лѣтъ
тому назадъ, вдали отъ своей ро-
дины, въ глухой татарской про-
винци, закатилась яркая звѣзда,

въ желѣзныхъ стихахъ оплакивалъ
судьбу Грузии, исторія которой не-
задолго передъ тѣмъ сказала свое
последнее слово. То было плохое
время, время, о которомъ теперь
безъ слезъ нельзя вспоминать.

ჩხ. Н. М. Бараташвили (1816—1845 г.)

АВТОГРАФЪ ПОЭТА.

მეგზუ ჩვენსაჲს კაცნი ვეყოხან—შური სიღარიბის
აჲრ კლავს მეკოლი მის, ვევსებს შოა-ა-ლის
აჲრ სითი ვაჲრე, ჩუ თ-ცხელი ჰუკადმს ვმზევებს
ეუბ სიღ-ა-რე, ქ ს-ღების უბს აჲრ იზხუებს!
1837 ბარათაშვილი

угась величайшій лирикъ XIX вѣка
Н. М. Бараташвили.
Рожденный не для звуковъ слад-
кихъ и молитвъ, поэтъ-гражданинъ

Всего нѣсколько десятковъ лѣтъ
прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты-
сячелѣтнее царство, подточенное
своими и иными Терзитами—пало.

На обломках его воздвигалось новое злание.

Все увлеклось имъ, всѣхъ подкупалъ блескъ мундировъ, всѣ гнались за чинами и орденами, и съ легкимъ сердцемъ отказывались отъ всего родного.

Лишь одинъ поэтъ-юноша не поддавался общему течению; онъ, какъ боевой перунъ, въ стальныхъ стихахъ престоерегалъ своихъ сородичей отъ увлеченія новизною; словами полными укоризны и злой иронии онъ смѣялся надъ ними.

Не находя сочувствія въ то мрачное время въ своихъ современникахъ, поэтъ свою тоску изливаетъ то въ звучныхъ стихахъ въ „Думѣ“ на берегу сѣдой Куры „подъ рокотъ ея волнъ“ о недолговѣчности земныхъ царствъ и царей, то удаляется на гору святого Давида и тамъ предается любимой мечтѣ.

Обманутый въ друзьяхъ, отравленный измѣною въ своей частной жизни, ибо амуръ рано влегълъ, говорить, въ его сердце съ золотыми крыльями, но увылъ скоро вылетѣлъ оттуда — съ опаленными, ибо змѣя въ образѣ любимой дѣвушки предпочла поэту какого-то бродягу, заброшеннаго къ намъ на ловлю счастья и чиновъ. Съ этихъ поръ все опротивило поэту.

Грузинское общество вмѣсто материнской ласки съ безсердечностью злой мачихи отнеслось къ покойному пѣвцу народнаго гоя.

Да, наше общество, къ сожалѣнью, еще недоросло до сознанія, что талантами красна родина, что ими только можетъ гордиться она.

Люди гордые, съ печатью мысли на челѣ, избранныки неба при жизни не находятъ у насъ ни сочувствія, ни поддержки; но лишь оставленный всѣми, поруганный, осмѣянный кто нибудь изъ нихъ, наконецъ, перейдетъ въ лучший міръ, какъ это же самое общество вопить надъ бездыханнымъ трупомъ: „дайте вы его намъ, онъ нашъ“. Напротивъ, люди съ покладистою совѣстью, „этихъ дамъ“, сгибающие спины въ передняхъ, находятъ и поддержку и сочувствіе, и по отбытіи стажа въ будорахъ патронессъ, выходятъ въ люди!

Таково было грузинское общество въ то время, такимъ остается почти и по днесь!

Но не изъ этихъ жалкихъ людей былъ гордый пѣвецъ.

Онъ проклялъ въ классическихъ стихахъ весь окружающій его міръ и, отряхнувъ прахъ съ ногъ своихъ, навѣки удалился изъ родины. Тамъ, вдали отъ нея, онъ сложилъ свою буйную голову въ безславной борьбѣ во время перестрѣлки съ разбойниками.

Свѣтлый гений угасъ, благородное сердце биться перестало!

Оправдалось слова поэта: долго прахъ его лежалъ на чужбинѣ, на прощяей дорогѣ, безъ плиты, безъ

креста, пока, наконецъ, въ началѣ 90 годовъ группа молодыхъ поклонниковъ не вспомнила поэта.

Она торжественно перенесла бранные останки его изъ Енисавепюля на родину, такъ дивно-божественно воссгѣтую имъ.

И вотъ сегодня воздвигается рукотворенный гранитный памятникъ тому, кто давно воздвигъ въ сердцѣ каждого грузина алмазныя памятники себѣ.

Л. Аравинъ.

Намогильный памятникъ поэту.

На могилѣ Бараташвили *).

Сегодня, 9-го октября, исполнилось ровно 60 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ національный поэтъ Грузинъ кн. Н. М. Бараташвили. Въ этотъ знаменательный день отдадимъ дань безвременно угасшему національному поэту Грузинъ — ей свѣтлоу, померкнувшему вдали отъ горячо любимой имъ родины.

Полѣвка съ лишимъ съ тѣхъ поръ пронесла бездна время надъ снѣговыми хребтами Кавказа. —

* Въ городѣ Тифлисѣ, въ оградѣ Дзидзубайской церкви, сегодня освящется намогильный памятникъ поэту и въ память его выпущены изданія на русскомъ и грузинскомъ языкахъ.

Что-жъ измѣнилось въ картинахъ родного намъ края?

Попреемному горѣ въ Кавказѣ, не склоняя сѣдой головы. Чиста и прозрачна, какъ прежде, Арава. Пыльнымъ цвѣткомъ благоухаетъ вѣчно юная Грузія. — Обликъ природы измѣнитъ свою форму и краски спустя лишь долгое, долгое время...

Иному закону, однако, подчинитъ человекъ. Что для природы — лишь мигъ въ безконечной цѣпи времени, то для человѣческаго общества — цѣлая эпоха, воплощающая въ себѣ всѣ измѣненія духовной и матеріальной жизни его.

На протяженіи шестидесяти лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ дня смерти кн. Бараташвили, Грузія пережила паденіе цѣпей крѣпостничества, реакцію 80 годовъ и нанѣ, воспитанная уроками и значеніемъ послѣднихъ событій, вступаетъ въ новый путь исторической жизни. Степень развитія грузинскаго общества въ данный моментъ представляетъ неизгладимую разницу сравнительно съ современниками Бараташвили, не понимавшими ни поэтического дара, ни артистическаго полета мысли пѣвца Грузинъ. — Что оказалось достижимымъ нашему поколѣнью, то было недоступнымъ его предшественникамъ. Отсюда намъ становится яснымъ, что не по странной ироніи судьбы талантъ поэта, его оригинальный умъ прошли по своей литературной эпохѣ также, какъ мы проходимъ по иноземной странѣ, языкъ которой намъ неизвѣстенъ. Онъ много писалъ, но его мало читали. Даже немногочисленные друзья его, близко знавшие и умѣвшие цѣнить его, не ожидали для него той посмертной славы, которая съ теченіемъ времени выросла до того, что мы теперь, напримѣръ, прямо говоримъ: „Баратовъ“, какъ говоримъ „Пушкинъ“, „Лермонтовъ“, „Геге“. — Объяснитъ, почему намъ теперь такъ нравится этотъ писатель, котораго еще недавно не понимали, — это значитъ объяснить не только какое развитіе, но и какіе отгѣнки его отличаютъ насъ отъ предшественниковъ нашихъ. Кто можетъ поручиться за то, что по прошествіи еще другихъ шестидесяти лѣтъ баяръ Грузинъ и его поклонники снова не будутъ забыты новыми поколѣніемъ, которое предъивитъ иныя требованія къ жизни и будетъ имѣть иные вкусы? Этотъ

вопрос слѣдует не забывать тѣмъ, кто воображаетъ, будто воплощаетъ въ своихъ произведеніяхъ съ безусловной вѣрностью мировая мечта. Что сказать намъ относительно страданій и разочарванности поэта?

Мы знаемъ, что Бараташвили, какъ натура избранная и тонко чувствующая, невинно мучился при соприкосновеніи съ окружающей его средой. Такова участь людей съ крайне развитой впечатлительностью: они слишкомъ страдаютъ отъ того, что способны воспринять въ себя ощущенія другихъ. Эта способность привела поэта къ сближенію съ непонимающими его людьми, къ безолозной трагѣ времени и духовныхъ ресурсовъ на людей, стоявшихъ гораздо ниже его. Онъ наказанъ, а за что? — За то, что не умѣлъ презирать.

Его благородная мечта о возвышенной жизни, эта мечта, которая одна даетъ намъ возможность понять благородныя души артистовъ, заставила его израсходовать богатства души въ ожиданіи чего то невѣдомаго, что никогда не наступитъ...

Такъ страдалъ нашъ несчастный Бараташвили, и, умирая на тридцатомъ году своей жизни, онъ былъ вполне увѣренъ въ томъ, что его имя, какъ и его жизнь, потернть окончательно крушеніе въ этой громадной чинчѣ забвенія, неподвижной воды которой покрываютъ собою столько миллионы исчезнувшихъ съ лица земли человѣческихъ существованій... Но сама судьба, эта насмѣшливая фея, вѣнчающая лаврами холодныя могилы мертвецовъ и наносащая раны сердцу живого человѣка, рѣшила иначе. Не умерло имя поэта—страдалца Бараташвили живеть въ своихъ чудныхъ произведеніяхъ. Его лира звучитъ, разнося далекое эхо по горамъ и долинамъ красивыхъ Грузинъ, которую онъ такъ горячо, такъ безавѣтно любилъ. Пусть близится время, когда неизбежная демократизация властно продиктуетъ новыя формы гражданской жизни. Поэзія Бараташвили не затеряется въ нихъ. Кто понимаетъ истинный смыслъ и значеніе грядущей демократіи, тому ясно видна ея благотворная роль въ дѣлѣ призванія къ жизни талантливыхъ и ихъ воспитанія. Бараташвили занялъ свое мѣсто среди немногихъ людей, на памятникахъ которыхъ духовный глазъ смѣняющихся поколѣній читаетъ: „Не говори—ихъ нѣтъ, но съ благодарностью—были“...

Пѣсни князя Бараташвили раздуются не только въ Грузинъ, но и несугся въ даль суроваго сѣвера. Чемъ объяснить такое явленіе, если вспомнить, что талантъ его былъ чудь космополитическнхъ чертъ? Для уясненія этого факта необходимо вдуматься въ условия

происхожденія произведеній свободного искусства. Почти всегда великій поэтъ, какъ и великій художникъ, старались не отрываться отъ своей почвы, къ которой всегда возвращаются, когда желаютъ придать своему идеалу больше обаятельности и глубины, между тѣмъ какъ произведенія тѣхъ, которые оторвались отъ родной земли, больше частью лишены этой глубины и обаятельности. Греки и итальянцы явили миру несравненные образцы въ области искусства, благодаря обособленности ихъ небольшихъ городовъ.—Въ нашъ переходный вѣкъ красота загнана, загрязнена. Возвратить, хотя бы на мигъ, красоту эпохи возрожденія способны лишь Лермонтовъ, Бараташвили, Гейне. Но мы не знаемъ, кто грядеть имъ на смѣну и какъ долго придется ихъ жать.

Пока же мы злѣис на могилѣ покойнаго страдальца, будившаго лучшая чувства толпы, отдаемъ ему запоздавшую дань и на забытой могилѣ воздвужаемъ памятникъ—это скромное, естественное доказательство проснуващаго вниманія и благодарности грузинскаго общества. Пусть это будетъ для общественной совѣсти корректурой заднимъ числомъ, но... лучше поздно, чѣмъ никогда...

Громкія чудныя пѣсни свои Бараташвили пѣлъ во имя общечеловѣческихъ и національныхъ идеаловъ;—пусть же во имя ихъ и Грузинъ, памятуя путь заповѣданный талантомъ поэта, объединятся еще тѣснѣе въ дружной работѣ на пользу и славу матери Грузинъ.

Спи же, поэтъ! Спи, изнемогшій борець... Ты зналъ человѣка къ счастью, мягкому, какъ лунный свѣтъ, разливающійся по роднымъ долинамъ Грузинъ, безконечному и разнообразному, какъ дѣвическія грезы. Ты облакалъ сознанный тобою мѣръ роскошнымъ, богатымъ и красивымъ уборомъ своей фантазій, подобно тому, какъ мы ищемъ къ прекрасной картинѣ достойную ея рамку.

Артари-Нолумбо.

Стихотворенія кн. Бараташвили въ переводѣ.

Судьба Грузинъ.

Историческая поэма.

часть I-я.

«О, Боже правнй! святой вождь
Твоей вѣрною край родной:
Ты знаешь Самъ о скорбной долѣ,
Что намъ неисполнена судьбой
Сидеть намъ врагъ! мы съ грозной тучей
Должны вступить въ неравный бой...
Но Ты десницею могучей
Насъ укрепи черезъ борьбу!»

Предъ ставомъ войскъ своихъ Ираклій
Молился такъ черезъ грозой...
Какъ жертва велика, — не такъ-ли,
Что парекъ омыченъ слезой?

Пока Крданскіе ужъ къ Грузинъ
Грузинъ являл съ парекъ;
Ихъ врагъ Ага-Мамедъ—былъ хитръ
Гроа въехъ непокорныхъ странъ!

Ведеть войска свои онъ съ юга...
Ужъ стаи близко другъ отъ друга...
На нихъ сѣяно озиде чудно,
Иракій являл, что Алао трудно:
Свои войска онъ оборадъ
И чудо мудрости являл!

„Ватляните съ дерзостью какою
„Востаете перемъ противъ насъ!
„Сегодня Грузинъ судьбою
„Знать роковой намъ лѣнье часть.
„Мужайтесь! За страну родную
„Сегодня Я сражаюсь Самъ!
„Кто любитъ родную страну,
„Покажетъ тоги себя врагъ!“

„Да будетъ свѣтъ Творецъ небесный,
„Что далъ намъ слышать голосъ Твой.
„Равно пріятнй и невѣстнй! Твой
Возвалъ народъ къ нему толпой:
„Иль будетъ спасенъ отъчизнъ,—
„Такъ знай нашъ Паръ и восталъ нъ,
„Иль, если къ намъ судьба капризна,
„То мы умремъ все, какъ одинъ!“

Какъ счастливъ Паръ—отенъ душою,
Когда Его святою любовью
Дарить я войско и народъ!..
Раздался трубнй звукъ, и вотъ
Загнали сердца на смерть готовыхъ
Грузинъ за родину свою!

О, трубнй звукъ! Какъ много новихъ
Роднй героевъ ты въ бою:
Храбрѣй подъ звукъ твой вдохновился,
Трусъ возродился въ нѣтъ души;
Влюбанныя даже позавидѣли
Подъ звукъ способнѣе боею!..
Какъ съ тирмомъ лютымъ левъ голодный
Грузинъ съ Персами сошнлся
И кровью честой, благородной
Въ бою отчаянною снлялся!
Здѣсь каждый дросто воюетъ.
Войска въ боюхъ наворстны:
Баратовъ—сѣва атакуетъ.
А справа Калпановъ*) смнн
Все войско грузинское являл.
Тотъ добры духъ Паръ—отна
И долтъ—войска и вдохновлял:
Но бою нѣтъ и нѣтъ коня...
Грузинъ являл—дѣло худю.
Загнули шипы и взысла.
За шапка и драхисъ, поузда
Враги позорно не сдались!

Слуется ночь—и потъ покой
Снѣнзл на время злнй бой.
Побѣда Ивернзл досталась
Совѣтъ не дещено, уа!
И сердце парекъ сжмалосъ.
При мысли, что убита злы—
Надежда, нѣтъ страны печальной
Сложилъ голову въ бою!
Ихъ имена—звукъ погребальнй!
Ихъ болше нѣтъ въ родномъ краю;
Лѣтъ холмъ, насманный рукою
Друзей, свидѣльнъ будетъ нъ.
Что здѣсь знался ихъ кровъ рѣкою...
Холмъ этотъ долго будетъ чтнмъ!
О насъ, герои, все ужъ знаютъ,
Ихъ усть въ уста все прославляють!
Все Провидѣніе хранитъ,
Потомство вамъ память чтнть!

И вновь Ираклій рѣчь держалъ.
„Намъ лучше въ городъ возвратиться
„И въ немъ тотчасъ же укрѣпиться
„Пока часъ утра не насталъ;
„Вѣдь много войскъ у Мамедъ-хана,—
„У насъ нѣтъ трети его стана,—
„Такъ за стѣною пусть снхаетъ

*) Кн. Орбеліанъ.

«Взях храбрецов оны!» Коччал царь:
Ведь хитрость славу пообдасть!
«Не раз твердил дды встарь.»

Съ царем согласен все—и прочь!
Уши все въ городъ въ ту же ночь;
И до расбѣта укрѣпили
Войска Тифлисъ и Нарикали:
И вотъ для жаркаго труда
Съ зарей все двинулись туда!
Но солнца лучъ въ тотъ день раскилъ
И тучи былъ покрытъ Тифлисъ!
Врагъ къ укрѣпленью подступилъ,
Три дня здѣсь бился тѣсно оны,
И, выбивши совсемъ изъ силъ,
Ужъ отступать былъ принужденъ,
Но подлый, гнусный врагъ грузинъ,
Ихъ выдалъ человекъ одинъ!...
Туда окликая мгновенно,
И сребролюбною рукой
Продать врагамъ въ поспешеніе
Христовыхъ братьевъ голою!
Извинили брону боевую
Сшибилъ на плату небожущую:
Ворота крѣпости открылъ
И Мамедъ-хана въ нихъ впустилъ!

Изымлю подлой пораженный,
Царь возмущенъ былъ всей душой,
Но посягать, хоть сраженный,
Не дасть врагу оны надъ собой:
Какъ лютой зѣбрь съ остревеньемъ
Его некавъ сталъ Мамедъ-ханъ,
Чтобъ умертвить и съ наслажденьемъ
Испить бы могъ кровь царскихъ ранъ!
Такъ посяхалъ рокъ надъ ними,
И обожавлю монархъ
Иракли—былъ спасенъ ливхия
Другавля отъ враговъ въ горяхъ!

Конiecъ 1-ой части.

Ал. Редлоевъ.

Конь. (Песня).

Безъ путей и дорогъ мчаться конь въярный
мой.
Съ крикомъ воронъ—вѣшу въ все кружитъ надо
мною.
Мчесь, мой въярный скакунъ, все быстрѣй, и
быстрѣй,
Мои мрачныя думы по вѣтру развѣй!

Разсѣки грудью воду, сквозь вѣтеръ ирорисъ,
Надъ оврагомъ, надъ черною бездною промчесь,
Не страшись, моя птица, ни бурь, ни дождей,
И меня, за усталость мою не жалѣй!

Не бѣда въ томъ, что брону отчину сую.
Не улетитъ отъ мной—желанной: «люблю».
Гдѣ застанеть насъ ночь, тамъ отгнаю мой,
Тавны жъ сердца пусть вѣздамъ повѣдаю!

Стоимъ сердца мѣтежамъ повсюду и волнамъ,
И любовь твоя бѣшеною скачетъ отдамъ!
Мчесь, мой въярный скакунъ, все быстрѣй, и
быстрѣй,
Мои мрачныя думы по вѣтру развѣй!

Пусть не въ милой отчизнѣ твоей всадникъ
умретъ,
Пусть возлюбленной плачь до него не дойдетъ,
Иму вырветъ воронъ, и ночью глухой
Его кости засыплетъ лишь вѣтеръ степной.

Вѣтро слезъ моей милой пусть слезы дождя,
Вѣстро близакъ пусть твифи оплачутъ меня.
Пролети-жь, мой скакунъ, надъ границей судь-
бы,
Твоей сѣдокъ ей не сдѣлаетъ безъ долгой борьбы.

Вѣро страстно: безсѣдно она не умретъ,
Пусть желанный твой топотъ утравимъ пробьетъ;
И тому, кто за мной тяжкій клеветъ облегчитъ,
Оны отнако коня предъ судьбою промчитъ!

Безъ путей и дорогъ мчаться конь въярный
мой.
Съ крикомъ воронъ—вѣшу въ все кружитъ надо
мною.
Мчесь, мой въярный скакунъ, все быстрѣй, и
быстрѣй,
Мои мрачныя думы по вѣтру развѣй!

Т. Бекханова.

Злой духъ.

Злой духъ, кто звалъ тебя? Какой рукой
жесткою
Ты привлеченъ ко мнѣ и сталъ вождемъ моимъ.
Чтобъ жнанъ мою смутить и вѣры духъ глубо-
кой,
Сноковетіе души дихавьемъ смать твоямъ?

Что общаешь ты мнѣ, мой юный слухъ воз-
мужа?
Не ты-ль свободы дѣнь мнѣ въ мѣрѣ рисовалъ,
Средь муки, мой пылкой умъ видѣлиныя чары,
Ахъ въ дивный рай блаженства превращалъ?
Отвѣть ми! Гдѣ тотъ мѣръ заманчивыхъ вѣ-
щаний,
Что грѣшъ сжегъ мой огнемъ страстей больныхъ,
Гдѣ ты, злой духъ, тоска безумныхъ ожиданъ?
Отвѣть же мнѣ: гдѣ мое волшебныхъ словъ
твояхъ?

Пусть проклятъ будетъ день, когда, тебѣ
инчалъ,
Я жертвовалъ тебѣ сердечной четотой.
Поконъ вѣтъ! И муками тѣлесными страдалъ,
Все жажду я, яду, какъ раба, на пошотъ твою!
Прочь отъ меня, злой духъ мучительныхъ
желанъ!
Я мукамъ и тоскѣ плачу, скитался, данъ...
О горе, горе тѣмъ, кого въ часъ страданъ
Коснется вдругъ твоя чарующая дланъ!

Т. Бекханова.

Островъ.

Миръ... Наконецъ все вздохну-
ли свободно послѣ этой долгой кро-
вопролитной войны на Дальнемъ
Востокѣ. Нѣтъ! Война еще не оконча-
ена: отройте глаза, смотрите кругомъ;
мы на островѣ, кругомъ насъ
море крови, эта кровь двухъ брать-
евъ, такъ долго живущихъ почти
подъ одной кровлей, волнами за-
топляетъ цвѣтущія мѣста!
Напрасно борятся противъ нея,
она беретъ верхъ, она топтитъ перья
и мечети; эти храмы, гдѣ такъ
недавно клялись, дѣловались два
брата...

Безопасная, остановись!
Льются горячія слезы рѣками...
Звѣри прычутся въ своихъ но-
рахъ: имъ страшны стоны людей...

Не гибло у насъ столько народу
отъ холеры, отъ чумы; смерть объ-
явила губительную войну; не хочетъ
она слушать мольбы людей, не хо-
четъ плащать,—она—смерть!
Напрасно старались прогнать ее;
она стоитъ надъ нашими головами
и смотритъ на насъ своими нена-
сытными кровавыми очами и го-
тона каждую минуку схватить и...
сдавить!

Обыватели острова въ осадѣ. На-
прасно стараются кровавые волны
поглотить и ихъ...

Обыватели безмолвуютъ... Они
спятъ, да спятъ: они заняты сво-
ими личными интересами, до нихъ
не доносятся стоны жертвъ крова-
ваго пожараща. Корреспонденты
впереконки другъ съ другомъ со-
перничаютъ въ тенденціозномъ и
поспѣшномъ освѣщеніи фактовъ въ
газетахъ!

Очинитесь! Довольно безмолвство-
вать, помогите братьямъ, образу-
йте ихъ!

На этомъ островѣ—вѣя наша си-
ла, мы будемъ бороться, работать
во имя лучшей жизни...

Amicus.

Тушинская легенда объ Алванскомъ полѣ.

(Записана въ Панкискомъ уѣздѣ).

Изь мѣстечка Цовата однажды
ѣхалъ тушинъ съ своей женой въ
сел. Бактріони, въ Цахетію, въ то
время, когда въ Бактріонахъ нахо-
дились турецкія войска. Этого ту-
шина турки запержали и потребовали
отъ него его жену въ наложницы.
Воротившись обратно домой въ Цо-
вата, тушинъ немедленно оповѣстивъ
своихъ односельчанъ о постиг-
шемъ его горѣ. Быстро собрался
сходъ. Тогда Гоголаури разсказалъ
подробно тушинамъ о случив-
шемся.

Вѣсть о происшествіи быстро об-
летѣла все тушинскія общества; они
собрались въ общій сходъ, дабы рѣ-
шить между собой, какъ отомстить
за это безчестіе туркамъ. На общемъ
собраніи они говорили такъ: «послать
дюдей въ Пшавію и Хевсуретію и
просить помощи. Пшавы и хевсу-
ры собрались и по совѣту стари-
ковъ рѣшили: «такъ-какъ мы доб-
рые сосѣди и собратія, то мы дол-
жны помочь тушинамъ противъ
турокъ». Послѣ этого пшавы и
хевсуры вооружились, пошли
въ горы на помощь тушинамъ.
Собраннымъ мѣстому дружинѣ было
назначено Цовата. Когда всѣ войска
были готовы, то отсюда дви-
нулись черезъ Табашаны и спусти-
лись въ Панкиское уѣздѣ.

Общее предводительство войсками
взяли на себя тушины. По ихъ рас-
поряженію пшаво-хевсурскія войска
засѣли въ тылу у самаго истока
Бацара, а тушинскіе всадники под-
ковали своихъ коней обратно под-
ковами и поѣхали все къ крѣпости
Бактріони. Сторожевыя турецкія
войска замѣтили слѣды коней ту-
шинъ и думая, что они по-
шли вверхъ по уѣздю, бросились
за ними по ложному пути.
Какъ только тушины увидали,
что ихъ хитрость волюгѣ удалась,
они бросились съ тылу на турокъ,
уже дошедшихъ до Бацара, гдѣ съ
горъ на нихъ ударили пшавы и
хевсуры. Здѣсь началась ужасная
рѣзня, и турки почти поголовно
были вырваны, за исключеніемъ
двухъ-трехъ человекъ, которымъ
удалось спастись. Между тѣмъ, часть
тушинъ бросилась на Бактріони и
почти врасплохъ захватили крѣ-
пость, гдѣ въ мщеніи перебили всѣхъ
стариковъ, женъ и даже дѣтей. Та-
ково было мщеніе тушинъ за позоръ.

Грузинский царь Ираклий въ благодарность за изгнание турокъ изъ Кахетіи даровалъ имъ въ вѣчно владѣніе Алванское поле. Пространство Алванскаго поля, по преданію, было то, которое обсакала лошадь тушина Зазуа, который царю сказалъ такъ: «Мѣсто, которое обсакаетъ моя лошадь, пусть будетъ намъ на поселеніе». Съ этого времени тушины и владѣютъ однимъ изъ богатѣйшихъ мѣстъ Кахетіи, совершенно нетронутымъ плугомъ. Здѣсь, только по краямъ раскинуты домики тушинъ, само-же поле цѣльно и отведено исключительно подъ пастбу скота.

Скиталецъ.

Грузинская легенда.

(Гурійскій Амиранъ).

Бродилъ одинъ крестьянинъ около горы Сакорнія *) и увидѣлъ, что разстугается громадный утесъ, и въ глубинѣ оказался прикованный пѣвцу Амиранъ. Согнувшись, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы достать лежавшій невдалекѣ огромный мечъ, но не могъ. Амиранъ замѣтилъ крестьянина и попросилъ прийти къ нему на помощь; онъ подошелъ. Амиранъ обласкалъ его и сообщилъ о себѣ, что онъ другъ бѣдныхъ и угнетенныхъ; при этомъ онъ досталъ изъ сумки крестьянина хлѣбъ, сдѣлавъ его мощною рукою и изъ хлѣба потекла кровь и потъ. «Несчастные, какъ вы можете ѣсть такой хлѣбъ?» сказалъ богатырь. «А ты какой хлѣбъ ѣшь?» спросилъ крестьянинъ. «Вотъ какой!» отвѣтилъ Амиранъ, прикладывая свой хлѣбъ и изъ него потекло молоко. «Если я освобожусь,» сказалъ онъ, «то на свѣтъ никто не будетъ ѣсть хлѣбъ съ потомъ — кровью. — Я помогу тебѣ!» вскричалъ крестьянинъ. «Если желашь помочь, то лягъ между мечемъ и мной, ухватись за рукоятку, я потяну тебя за ноги, такъ авось и достанемъ его». Крестьянинъ исполнилъ это, но едва Амиранъ потянулъ его за ноги, онъ сталъ сильно кричать отъ боли. «Есть-ли у тебя дома гведи (упряжь изъ воловьихъ кожъ), то побѣги скорѣй домой и, не заговаривая ни съ кѣмъ, принеси сюда». Крестьянинъ стрѣлой пустился домой и, желая строго исполнить просьбу героя, взялъ на плечи гведи и побѣжалъ на Сакорнія; но у дверей онъ столкнулся съ женой, которая съ бранью огнивала гведи. Бѣдный крестьянинъ молча отбивался и рвался въ дверь. Молчаніе его еще болѣе раздражало жену, которая, держа за одинъ конецъ гведи, кричала: «только это у тебя осталось въ хозяйствѣ и его

хочешь испортить». Или ты не отстанешь вѣдьма! вскричалъ крестьянинъ и такъ сильно толкнулъ ее, что она упала за порогъ. Крестьянинъ прибѣжалъ, задыхаясь, къ утесу, но богатыря уже не было.

Гора Сакорнія скрыла его, когда крестьянинъ обмолачивался.

Человѣчество такъ и осталось при хлѣбѣ съ кровью и потомъ.

Когда Амиранъ освободится, то отомститъ женщинамъ за ихъ чрезмерное любопытство и зловерность.

В. Урушадзе.

Груинкъ.

(Въ отголоскѣ).

Почаizzo смотрите изъ окоя ны
На ширь раскинутыхъ полей,
Для васъ картины эти новы,
Но горы свѣжили мнѣ.

Я знаю, дальне, за стенами
Рисуетъ вамъ пятниый взоръ
Подъ ярко бѣлыми свѣтами
Родушко цѣль знакомыхъ горъ...

Вамъ грустыи свѣра картины,
Другія васъ влекутъ мечты,
Далекой Грузіи долины,
Ея роскошныи дѣти.

Ея нависнушіи скалы,
Руины таинственнаго покоя,
Кристальныхъ легионовъ облаи,
И жемчугъ цѣпи свѣтовой...

В. Газаросскій. (Слово 1905 г.).

Изъ Шахъ-Азиса.

(Съ армянскаго).

Лягушкѣ, и вѣдьмѣ: заглазъ, какъ зарѣ,
Звѣзда нашей родины... Ярко горѣ,
Хайваню въпередъ она къ свѣту манитъ.
Раствопленъ ирради въ вѣчный гранитъ.

Христосъ въ намъ снисходитъ съ заранъ любви.
Хоть взоръ его грустень и рыны въ крови,
Съ любовью оны разлетъ отчуждъ несетъ.
Сверкаетъ арма оны внаистительнымъ гнетъ...

Оушени слезы... И стерты егды
Вѣдъ нашей давней, тяжелой бѣды!
Что сталею! О, горе! Прошулка варту я,
Въ аушъ пробудилась печали змѣя.

И сердце плачетъ, вновь бѣду ворожить!
Ахъ, страсть, хайванъ! Звѣзда не горитъ!
Навъ край, какъ и прежде, во тьму погружено.
Что видѣлъ я, братья, то свѣтлый былъ сонъ.

И. Гравесона. (Слово 1905 г.).

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Не то!.. опять не то!..

(Эскизъ).

Прислонившись къ периламъ моста и прислушиваясь къ тихому рокоту Куры, онъ старался отогнать отъ себя назойливыя мысли...

Жизнь тайготила его. Онъ выходилъ изъ дому лишь въ то время, когда городъ начиналъ засыпать. Вѣчная скука и непонятная тоска всудю его преслѣдовали.

Тяжелой, длинной вереницей проходятъ воспоминанія...

Избалованный съ юношества женщинами, онъ съ грустью углублялся въ воспоминанія пережитаго; убійта чувственность не манила его болѣе къ себѣ. Онъ приближался къ возрасту, когда мужчина перестаетъ быть иллюзионистомъ, когда начинается видѣть вещи такими, какими онѣ въ действительности. Онъ искалъ. Какой-то демонъ тоски вѣчно гналъ его, не давая ему покоя. Два года безцѣльнаго странствованія по Востоку... Босфоръ, Палестина, Египеть, Греція... и опять Тифлисъ, опять вѣчно исканіе чего то, исканіе, вѣчная неудовлетворительность... Не то, все не то!.. повторять онъ и снова чего то искалъ, снова бродилъ, какъ растерянный, и снова угрюмо одиночество. Куда бы онъ ни шелъ, онъ всегда былъ съ самимъ собой и всегда одинъ...

«А Лина? Милая, слава!» На мгновеніе лицо его прояснилось, но тотчасъ же брови снова сдвинулись. «Не то!.. опять не то!..» прошепталъ онъ. Сердце болѣзненно сжалось... и опять тяжелой вереницей потянулись воспоминанія о той недалекой ночи, когда ему казалось, что онъ нашелъ давно желанное, свѣтлое, чистое «то», которое такъ долго и тщетно искалъ...

Прошло всего нѣсколько дней съ тѣхъ поръ, какъ онъ, уступая просьбамъ друзей, рѣшилъ провести вечеръ въ ихъ обществѣ.

Залитый электричествомъ большой залъ, наполненный дымомъ сигаръ, снующе во всѣ стороны лакеи, веселое, жизнерадостное, непринужденное настроеніе публики увлекли и его. Разгоряченная виномъ голова чувствовала потребность въ забытіи отъ вѣчныхъ тяжелыхъ думъ, хотѣлось возвратиться къ удивившимъ юношескимъ годамъ...

Громъ аплодисментовъ привлекъ его вниманіе. На эстрадѣ показалась пѣвица.

«Лина! Лина! браво Лина!» раздавались со всѣхъ сторонъ крики.

Чудная, миниатюрная фигурка граціозными, возбуждающими движеніями приводила въ бѣшенныи восторгъ публику. Вниманіе всѣхъ было обращено на сцену... Затѣмъ, ужинъ въ веселой компаніи шансонетокъ, возвращеніе домой съ тяжелой головой и разбитымъ гѣломъ промелькнули въ его воспоминанія.

Поконивъ ее, онъ возвратился къ себѣ, какъ во снѣ, неспособный отвѣтить на вопросы, которые назойливо лѣзли въ голову...

Лина, Лина, Линочка—это имя было въ немъ лихорадочно... Сдавить ее въ своихъ объятіяхъ, вырвать ее изъ этой клоаки, бѣжать съ ней—вотъ что онъ сознавалъ...

Что то непреодолимое влекло его къ ней; прекрасную, какъ и накануне, онъ послѣ спектакля слѣдующаго вечера увезъ ее къ себѣ.

«Я люблю тебя, люблю», говорила она. Онъ помнитъ, какъ отвѣтилъ

* Сакорнія, вершина Аджаро-Гурійскихъ горъ въ Оурутескомъ уездѣ, отъ слова Корина—порона, которая будто-бы клеветала сердце Амирана.

ей, что любовь—это слово, которое не имѣет смысла или имѣет его слишкомъ много, такъ какъ обозначаетъ въ одно и тоже время два чувства несогласуемыхъ: чувственность и чувство...

„Но я люблю тебя, люблю!“ повторяла она. Никогда я не чувствовала того, что чувствую. Боже! Наконецъ я узнала, что такое любить! Ты видишь, дорогой, я даю тебѣ всю себя, всю, больше даже чѣмъ сама предполагала. Я, которая никогда не желала никого, я не могла думать, что измѣню такъ скоро. Я тебѣ продала только тѣло—теперь я отдаю тебѣ все, что во мнѣ есть хорошаго, все, что во мнѣ есть чистаго, искреннаго, всю мою душу, которая дѣвственна... Никогда ни одинъ мужчина не обращался со мной такъ, какъ ты, не пробуждал во мнѣ души. Никогда женщина не любила такъ, какъ я тебя люблю. Я задыхаюсь, ты видишь; я плачу. Я знаю сегодня, что такое слезы—это быть слишкомъ счастливой... Но ты не отвѣчаешь, не говоришь ничего! Обними же меня!... Ну погляди же мнѣ въ глаза, погляди, какъ они тебя любятъ!..

Она вся склонялась къ нему съ нѣжной, милой лаской.. И онъ хорошо помнитъ это лицо, нервное и милое, съ капризнымъ разрывомъ малиноваго рта, съ выразительными голубыми глазами, которые сияли такимъ свѣтлымъ, казалось, неподдѣльнымъ счастьемъ...

Говорятъ, что душа женщины—проста. Мужчины не хотятъ этому вѣрить. Гдѣ есть только прямая линия они тщетно ищутъ сложности, находятъ пустоту и теряются. Вотъ почему душа Линн, свѣтлая какъ душа ребенка, показалась ему загадочной какъ метафизическая проблема... и онъ молчалъ, онъ не отвѣтилъ на этотъ вопль прорывшей души. Въ груди бушевалъ бунтъ, протестъ противъ себя самого, противъ всей жизни, противъ всѣхъ... Ему стало все ненавистно, гадко, омерзительно...

„Не то—все не то!“ прошепталъ онъ и, какъ бы очнувшись, онъ круто повернулся направляясь домой. Тихий, заманчивый плескъ Куры, казалось, повторялъ ему въ слѣдъ: „не то... не то!...“

Викторъ Порай.

Живой мертвецъ.

Да, я тебѣ все расскажу,—началъ мой товарищъ, когда мы прѣбрали въ одинъ изъ загороднихъ ресторановъ и усѣлись въ дальней бесѣдкѣ, расположенной надъ рѣчкой.—Видь съ бесѣдки былъ прелестный: луна серебромъ отбѣжала свои лучи въ рѣчку, гладь которой не нарушалась ни одной волной.—На той сторонѣ рѣчки находилась густая молодая ро-

ща, гдѣ соловьи, какъ бы принося дань природѣ, старались перешептывать одинъ другому замысловатыми трелями.

Товарищъ мой молчалъ. Усталый взглядъ его скользилъ по ровной поверхности рѣки и казалось ни о чемъ не думать. Это былъ человекъ молодой, 24-хъ лѣтъ. Гимназистъ съ нимъ кончили вмѣстѣ, и теперь, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки, встрѣтились въ одномъ изъ провинциальныхъ городовъ, куда угодно было судьбѣ закинуть меня. При первой встрѣчѣ я его долго не узнавалъ, да и узнать было мудрено. Я встрѣтилъ не того веселаго, всегда безпечнаго, но полнаго энергій, Сашу, котораго мы, товарищи, такъ любили слушать. Бывало соберемся у кого-нибудь изъ насъ и тутъ красавецъ Саша ораторствуетъ о высокомъ назначеніи человека, объ обязанности его къ обществу и обо всемъ томъ, къ чему такъ стремится молодая честная душа; и мы всѣ, затанъ дышае, слушаемъ его, вѣрнимъ ему и клянемся другъ другу быть всегда на высотѣ своего призванія, служить обществу, защищать только правду... Мы были убѣждены, что Саша пойдетъ далеко, что онъ надѣлаетъ такъихъ дѣлъ, что о немъ заговорятъ—И вотъ те перь ему только 24 года, а онъ выглядываетъ почти старикомъ. Усталый, грустный, но все съ такими-же добрыми глазами, сидитъ онъ предо мной и я, ломая голову, не могу понять, что съ нимъ сдѣлалось. Я рѣшился во что-бы то ни стало разузнать причину его грусти и, если возможно, помочь его горю.

—Да, началъ онъ, какъ-бы пробуждаясь отъ неприятнаго сна я тебѣ все расскажу: и какъ началъ я свою жизнь, и къ чему она, меня привела. Начало ты знаешь; мнѣ было лѣтъ 18, когда я кончилъ гимназію. Жизнерадостный, полный вѣры въ чудное заманчивое будущее, я вступилъ въ иной мѣръ, чуждый до тѣхъ поръ для меня. Мѣръ, дѣлящийся на двѣ категории: мѣръ науки, усовершенствования, развитія кругозора и мѣръ пошлости, кутежи и оргій. И я попалъ въ мѣръ послѣднихъ, да, въ мѣръ послѣднихъ!

Онъ началъ горестное повѣствованіе тихимъ задумчивымъ голосомъ, какъ вспоминаютъ послѣ давней смерти потерю друга, жены или возлюбленной, но чѣмъ дальше рассказывалъ, тѣмъ оживленнѣе говорилъ онъ, и мнѣ казалось, что ни одинъ старикъ не вспоминаетъ съ такимъ оживленіемъ бурю своей молодости, какъ мой товарищъ.

Куда исчезло чувство угнетенности, куда дѣлись такъ поразившіе меня сѣдыя горы!—Онъ весь преобразился; передомою сидѣлъ орелъ, расправивши свои надломленные крылья, и рассказывалъ про свой орлиный полетъ.

—Я сталъ студентомъ, и возбужденно говорилъ о томъ, какъ хорошо звучитъ для уха это слово, сколько приятныхъ воспоминаній вызоветъ оно въ человѣкѣ, пережившемъ время студенчества, время самыхъ чистыхъ порывовъ души, время, когда чувствуешь избытокъ силы, мнѣшь себя героемъ. Все это чувствовалъ и я, и я былъ чистъ, и я былъ молодъ; избытокъ силы, казалось, вотъ-вотъ прорвется наружу; даже поступъ моя самоувѣренная говорила, что я могу сдѣлать что-то; что-то, отъ чего будетъ очень хорошо и мнѣ и другимъ, но... во жизнь сложила меня; не туда, не къ свѣту, какъ нѣкогда клаяся вамъ товарищамъ. Да, я отдалъ всѣ свои лучшія силы женщинѣ, но женщинѣ хорошей. Но что за женщина была, ты это-то не знаешь, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, схвативъ меня за руку, вѣрши-ли, мнѣ минутами не жалъ, что я отдалъ ей всю свою молодость. Бѣшеная, дикая, какъ и самая красота ея, она была, проявленіе жизни во всѣхъ видахъ ея. Все отдавая и ничего не требуя, она тѣмъ самымъ заставила меня сложить у ея ногъ и молодость и всѣ мои порывы на что-то хорошее....

Но дикая, не зная предѣла своей животной страсти, она не видѣла, не хотѣла видѣть моей слабости. Безумно сладкимъ взглядомъ она раздвигала по мнѣ минутную страсть и довольная силой своей, черезъ минуту гладила меня по волосамъ уже истощеннаго и никуда негоднаго.

О! Въ такія минуты становился я самъ себѣ противенъ и гадокъ. Будь у меня въ этотъ моментъ немного энергій, я бы вынесъ бызъто акта самоуниженія и это бытъ можетъ привело-бы трагическому, но лучшему концу; мнѣ было тѣнь двигаться, смотрѣть, чувствовать себя. Было тупое ощущение своего бытія, которое, какъ мнѣ казалось, окунуто въ сплошную грязь. Грязь забилась и въ глаза и въ носъ, дышалось тяжело. И все кругомъ было грязно; и лежаншія на полу носокъ, и скинутая простыня съ крохотки и рука, гладившая меня по волосамъ.

Она не понимала, не видѣла окружающей грязи, но всѣмъ сердцемъ чувствовала мое состояніе и ей было до боли жалко себя и меня. Каждое движеніе руки по моимъ волосамъ молло понять ее—женщину и просило прощенье за причиненную боль.

Иногда, при такомъ состояніи, припавъ къ ея груди, я слышалъ въ сердцѣ моей возлюбленной бурю накинѣвшей досады, за отравленное счастье. Не видя ея лица, я чувствовалъ опустившуюся на рѣсницу первую, готовую упасть, слезу.—И вотъ она огненная, падала мнѣ на

голову, прожигала ее и вновь появлялась уже на моих рёсничках. И я, припавъ къ ней, и она, безсилно обнявъ мнѣ голову, мы оба съ открытыми глазами тихо плакали—слезъ было мало, онѣ, медленно напѣвѣ въ груди,—свиновью, тяжелья катились одна за другой. Это не были тѣ слезы, которыя облегчаютъ набѣзшую душу, нѣтъ, это слезы выжатия изъ сердца при сознаніи полного безсилія своего, для отреченія отъ этой животной жизни и возврата къ другой — хорошей, при ясномъ сознаніи ея чистоты, но и неспособности къ ней. Все это онъ говорилъ съ жаромъ, чувствомъ и выраженіемъ глубокаго страданія не сходя съ лица за время его рѣчи.

—Эта женщина, говорилъ онъ, действительно обладала какой-то магической силой, которая завладела мною цѣлкомъ и теперь, послѣ ея смерти, о которой я иногда мечталъ, какъ избавленія отъ нея, вспоминая ее часто. Вотъ почему я такъ подробно тебѣ рассказываю о нашей совместной жизни, для тебя конечно неинтересной. Вся моя жизнь въ ней, и съ ея смертью я остался одинъ, никому не нужный, измѣнившійся, ополчившійся и ни къ чему не способный. Въ то время мнѣ казалось невозможнымъ мое возвращеніе, возвратъ къ нормальной жизни..

Я сталъ пить... О, какъ я пилъ! Не было удержу моимъ кутежамъ. Я не хотѣлъ быть трезвымъ. Въ трезвомъ видѣ рельефнѣе вырисовывалось мое безсиліе, негодность къ труду и облѣившая всего меня грязь, занимавшая мѣсто молодухъ хорошихъ порывовъ, высокихъ идеаловъ... Пьянство и развратная жизнь не прошли для меня безрезультатно; въ одинъ прекрасный день я очутился на больничной койкѣ. Тамъ вокругъ себя я увидѣлъ такимъ-же, какъ и я, больныхъ жертвъ развратной жизни..

При послѣднихъ словахъ гость его обормасил, и онъ замолкъ, опустивъ голову на грудь, и слезы она за другой покатились изъ глазъ его. А я смотрѣлъ на его опущенную голову и мнѣ стало ясно къ чему привела его болѣзнь. Въѣсто когда то чудныхъ, густыхъ, чуть выходящихъ кудрей, которыми всѣ такъ любовались, я увидѣлъ жиденькіе, кое гдѣ торчавшіе длинные клоочки волосъ; и они силились прикрыть голыя мѣста, но теперь упали, лежали въ безпорядкѣ и открыто говорили о неизлечимой болѣзни хозяина ихъ.

— О, если-бы зналъ я тогда, что знаю теперь, продолжалъ онъ сквозь слезы, какъ-бы берегъ себя, каждый мускулъ былъ бы мнѣ дорогъ! О, Боже, что сдѣлать я съ собой! Все, что набѣзло у него на души и такъ долго не могло высказаться теперь, прорвалось и рѣчь его то неясная, то болѣзненно страст-

ная, то дикая говорила о невыносимой боли его страданій.

— Теперь, продолжалъ онъ болѣе спокойно, когда сознательное, маломальски грамотное трудится надъ грандіозной задачей обновленія приреченной и угнетенной страны, когда все осмысленное обязано работать не покладая рукъ, больно видѣть себя не въ сферѣ этой дѣятельности, стыдно за свои слезы. Я хорошо понимаю, что бездѣятельность простительна только невѣжественнымъ, но жизнь моя разбилась всѣмъ мои прежнія мечты, всѣ мои стремленія. Я далеко стою отъ всякаго живого дѣла, и теперь умѣю только плакать, жаловаться на судьбу и быть обузой себѣ и другимъ....

И снова славенная рыдания прервали его рѣчь. Онъ оплакивалъ утерянную навсегда молодость, чистоту, здоровье, которые украшаютъ и облегчаютъ намъ нашу безпорочную тусклую сѣрую жизнь.... Было довольно поздно, когда мы растались. Я посадилъ его на фэтонъ, а самъ, утомленный впечатлѣніемъ разсказанной товарищемъ своей жизненной драмы, пышкомъ направился къ городу. Дорога шла мимо загородныхъ садовъ и изъ нихъ доносились мнѣ оргіи пьяной компаніи и пискливые до тошноты голоса подвыпившихъ женщинъ. Я шелъ дальше, понуривъ голову и не останавливаясь. На поворотѣ дороги одного сада высипала кучка пьяныхъ безбородыхъ, почти дѣтей, студентовъ, и съ ними пьяныя женщины. Я сдѣлалъ движеніе къ нимъ, но потомъ безнадлежно махнулъ рукой и побрѣлъ домой.

Ив. Дондаровъ.

СОНЪ.

(Набросокъ.—Посвящается Терещанину).

„Онъ по котгамъ узналъ меня
въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ
разъ.“

Изъ записки Лувинаго.

Ночь. Въ открытое окно врываются отдѣльные звуки уснуваго титана города. Гулко отдаются шаги одинокаго прохожаго. Вотъ съ гиканьемъ проѣхалъ фэтонъ. Снова все утихло. Мягкій матовый свѣтъ разливаея кругомъ лампа. Круглая тѣни ложатся на стѣнѣ.

У меня срочная работа. Все цифры... цифры... Сравнительное статистическое изслѣдованіе.. Вотъ онъ вытянулся длиннымъ рядомъ двузначныхъ; въ тѣль за ними цифры посидишь, а тамъ уже дѣлая армія знаковъ, какъ бы выглядывающихъ одинъ изъ-за спины другого. Страшная масса.—Глаза и голова устаив; разбираешь едва-едва, съ большимъ трудомъ. Пугается мысль.

Но вотъ вспомнилъ рекомендованное мнѣ средство: при самой головоломной работѣ, когда отъ напря-

женія мысли устаея голова, стоитъ лишь отвлечься какъ-нибудь — легкимъ, бульварнымъ утѣшительнымъ и снова прежняя свѣжесть мысли, снова ясна голова. Надо испробовать... Взоръ сталъ скользить по столу... найти бы что-нибудь пустенькое, легкое...

Ага! какой-то номеръ „Тиф. Листка“. Какъ разъ кстати. Пробую. Вижу „Между прочимъ“ — фельетонъ какъ будто. Такое мнѣ и нужно. Читайте. Оказывается — ругань. „Обманъ, вопитъ пріятель Терещанинъ устами скромнаго Пепю. Вотъ оно гдѣ доподлинно — безъ лицъ, въ трехъ лицахъ“ вспомнилъ я стихъ Державина. Но не успѣлъ еще подумать надъ этой мелкнувшею въ мозгу мыслью, какъ какой-то шорохъ за столомъ привлекъ мое вниманіе. Ба! да это онъ, ей Богу, онъ мой другъ, пріятель, Терещанинъ, самъ, собственной персоной возсѣдаетъ по другую сторону моего стола и лукаво поглядываетъ на меня изъ-за бѣлыхъ уже стоекъ очковъ. (На улицѣ онъ носилъ черные). Подозоровался.

— Что-жъ это ты, друже? спрашиваю, указывая глазомъ на статью.

Продолжаетъ лукаво посямѣваться, но молчитъ.

— Какъ же это ты, братецъ, говорю, хватилъ „обманъ, да еще двойной обманъ“.

Гдѣ же это видно, чтобы редакторъ, или редакция отвѣчали за дѣянія разносчиковъ — мальчишекъ?

Сказано на заголовкѣ: „послѣднія извѣстія“ или тамъ „особое приращеніе“ къ такому-то номеру „Листка“ и basta. Знай читатель. А въдъ мальчишки старья телеграммы изъ твоего-то „приращенія“ преподаются же утречкомъ за свѣженькія: „двойной телеграммъ, декадентски телеграммъ“, вопитъ какойнибудь изъ нихъ, не зная больше ни аза по-русски. А тамъ ужъ разбирайся, читатель. Такъ что это ты наирасно, говорю, пріятель.

— „Оно, конечно, такъ“, нарушилъ онъ свое молчанье.

— А что? спрашиваю.

Тутъ вздохнулъ мой другъ, пріятель, и полились изъ устъ его признанія.

— Видишь-ли, говоритъ, голубчикъ, мнѣ и самому то тяжело, и самъ понимаю, что вса эта музыка дутая, уловка нами подтасованная, но приходится... Ничего не подѣлаешь съ издателемъ... Вотъ гдѣ, говорить, у меня Борисъ Эсадъ сидитъ: вытѣснилъ своими рззвыми бумаженками продажу моихъ телеграммъ, да и въ будущемъ конкуренція; такъ что, говорить, ругать, ругать его безъ всякаго зазрѣнія, особенно-жъ напирать передъ выходомъ номера. Ну, а мы-то, самъ знаешь, народъ поневольный — продажный. Приказано — сдѣлано“.

— Хорошо, вставилъ я, допустимъ, братъ, и такъ. Но все же не забывай бы пословицу „ари, да знай“

мѣру“. Въдѣ и самъ ты подумай заставить подписчиков „Тифл. Листка“ покупать телеграммы въ то время, какъ другія газеты посылаютъ имъ на домъ, не Богъ вѣсть какая добродѣтель. Да и что только? Самъ знаешь, что правы авторы письма въ редакцію „Кавк. Кр.“, а ты, другъ, на какія каверзы пустился?

Подписи, говоришь, ложныя, а отъ третейскаго суда ловко увильнулъ, да и въ редакцію заглянуть не захотѣлъ, чтобы справиться на счетъ письма для полнаго твоего убѣжденія, въ подлинности его. И все это такъ некрасиво получилось. Мнѣ, конечно, что до этого; да пріятель ты мнѣ, говорю, или нѣтъ. Вотъ мнѣ и жалко, что репутацію, литератора, братъ, портишь и грязнишь.

— „Что и говорить, вздохнуть Теречанинъ, самъ вижу, самъ чувствую ложь. Взять бы хотя къ примѣру эти вотъ самыя „последнія извѣстія“. Въдѣ и самъ знаю, что не перепечатки это изъ газетъ, а получаются изъ специального бюро корреспондентовъ въ Петербургѣ, да и самъ оттуда получаю. А вотъ, пришлось же „написать, что путааетъ Борисъ Эсадзе публику, давая перепечатки подъ заголовкомъ: еотъ нашихъ кор-

респондентовъ“. Конечно онъ не виновать въ томъ, что мальчишки, получивъ въ типографіи „последнія извѣстія“, кричатъ: «телеграммы!»! Да мало-ли что приходится писать, глатъ и измышлять...

Тутъ мнѣ, по правдѣ говоря, такъ стало жаль моего друга-пріятели, что захотѣлось утѣшить, приголубить его, и я протянулъ уже руки, готовясь принять его въ свои объятія...

Вдругъ—жгучая боль, и я... проснулся. Растерянно глядѣль я на свои пальцы, испытывая въ нихъ мучительную боль. Оказывается, что въ моемъ порывѣ двинувъ рукою, я коснулся горячаго стекла лампы на столѣ.

А въ окно уже врывалось первое дуновение, предвѣстникъ утра, разнося листья на моемъ письменномъ столѣ и заставляя пламя лампы выплясывать препотѣшный какъ-уокъ, напоминающая танецъ, этику и мысли кой-кого изъ мѣстныхъ „журналистовъ“.

И жизнь брала уже свои права... Шумный городъ просыпался...

Чхи-Чхи.

СОДЕРЖАНІЕ:

- 1) Два Стихотворенія: Памяти и. и. М. Бараташвили.
- 2) Памяти поэта Н. Бараташвили.
- 3) На могилѣ Бараташвили.
- 4) Стихотворенія: Судьба Грузія, Ковъ (Цигаевъ) и Злой духъ.
- 5) Островъ.
- 6) Тушинская легенда объ Алванскомъ полѣ.
- 7) Грузинская легенда: Гурійкой Амиврапъ.
- 8) Стихотворенія: Грузинкѣ и Изъ Шахъ-Азвана.
- 9) Фельетоны: Не то!.. опять не то!.. Живой мертвецъ и Сонъ.
- 10) Иллюстраціи.
- 11) Карриатура.

Редакторъ-издатель Б. С. Эсадзе.

На злобу дня.

Изъ царства пернатыхъ: иѣтухъ въ чужомъ огородѣ.
(Посылается Теречанину).

— „Ужъ не оставьте вы меня, друзья, „пернатые“: хочется мнѣ бузины смертельно, а не могу найти; весь огородъ излоблѣнъ напрасно, бузины все нѣтъ, какъ нѣтъ. Да кстати, вотъ и „экспертизы бы вашей „птичей“ просильте-бы, а то „третейскій судъ“ не подходящее мнѣ дѣло: „амбшнція не позволяетъ, да и времени у меня нѣтъ!“!..

Ежедѣльное иллюстрированное съ карриатурами приложение.

Цѣна — 3 коп., съ газетою — 5 коп.

Тифлисъ, Воскресенье, 9-го Октября.

1-й годъ изданія.

Новый карикатуристъ „Кавказскаго Края“

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ нашу редакцію изъ Нью-Йорка поступила подписка на газету отъ ильбого г-на Шю Карикатурашвили. Мы, конечно, тотъ-часъ-же стали выисывать наизъ журналы сего укзанныго адресу. Вѣдѣвъ да зчмъ въ редакцію поступило оттуда же письмо, но уже съ фотографической карточкой самого Шю и съ ильвой серией разнообразныхъ карриатуръ на вѣдѣхъ и темъ. Письмо написано на ильмецкомъ языкѣ. Ръ а о б р а в ѣ весъ прасиданнй материалъ редакція наша чрезвычайно много интереснаго. А потому воспользовались въ адресованной Шю и похвѣстала въ своей газетѣ, въ числѣ карриатуръ другихъ авторовъ, и карриатуры нашего своего заглавнаго сего-жъ сотрудника.

Не безинтересно привести краткую биографію Шю, померитую изъ сего-жъ письма.

Вотъ что онъ пишетъ о себѣ: „Родился я въ 1882 году, 27 марта, въ Карталинѣ въ семействѣ Д... Горбачеваго. Я сынъ грузинскаго крестьянина. Въ молодости меня заставляли пасты барановъ, и вообще въ семьѣ меня не любили; но, когда изъ стада половину барану съѣлъ волкъ, отецъ меня полюбилъ, въ дому. Тогда я на арбѣ съ дровами кое-какъ добрался до Тифлиса. Здѣсь меня пригласилъ одинъ рачинскій хозяинъ. Я былъ очень любознательнъ и наблюдателенъ и, вѣсеху ядомъ, началъ на стѣнахъ рисовать, въ чему у меня, повидимому, была способность. Вскорѣ я сталъ писать грамоту сначала по грузински, а затѣмъ и по русски. Мнѣ очень хотѣлось поступить въ школу и меня мой добрый хозяинъ Сакъ-дае отады въ школу, а затѣмъ и въ классическую гимназію. Учился я хорошо, переходилъ изъ класса въ классъ въ числѣ первыхъ. Перешелъ въ 5-й классъ у меня особенно явилась страсть писать карриатуры, и я не могъ удержаться, чтобы въ деремжъ, гдѣ نبود на стѣнѣ, не изобразить въ скѣпномъ видѣ своего наставника, учителя или директора. За это меня выключили изъ заведения. Нечего было дѣлать, и я поступилъ тогда къ одному художнику, работавшему въ старомъ театрѣ, поблизу инженерскаго управления. Здѣсь я пробылъ около 2-хъ лѣтъ; такъ же способнъ мой развивался, то добрый мой хозяинъ по-сововету мнѣ ѣхать въ Петербургъ. Я, конечно, вскорѣмъ выѣхалъ въ столицу, но здѣсь меня за вольнодумство и сѣ я ч и я и мнѣ пришлось оставить Россію. Я ѣхалъ въ Германію — въ Берлинъ и поступилъ въ художественную академію, гдѣ началъ зѣлншу карриатуру, которая сразу доставляла мнѣ въ одинъ день мѣсячное содержаніе адмирала Того. Рѣшилъ же въ Европѣ жить настоящей свободой, и рѣшилъ ѣхать въ Америку и вскорѣ сѣлъ на одинъ прусскій пароходъ и поплылъ по атлантическому океану. Капитанъ нашего парохода, какъ и всеобщѣ, былъ огромнаго роста и оказался такимъ обжорой, что въ такое количество провѣдъ, что мы, пассажиры, буквально голодали. Я не вытерѣлъ и на палубѣ выискалъ на него зѣлншу карриатуру. Онъ со мною поступилъ чистю, онъ прусскіе схватилъ меня обоими руками и подымаъ меня, онъ

бросилъ меня за борты въ океанъ. Я былъ въ ужасномъ положеніи: мнѣ сразу представился тотъ самый китъ, который проглотилъ пророка Іону и мнѣ пришлось бы писать карриатуру въ этотъ проклятый Китъ, въ прожорливнаго и великаго животного, который въ минуту я замѣтилъ, что ко мнѣ подходилъ какой-то пароходъ, вѣроятно оказавшійся американскимъ, который и спасъ меня изъ воды и доставилъ меня въ свободную страну Штатовъ и въ Берлинъ, въ которомъ я пробылъ 2 года, въ полномъ здоровьѣ, я отдался въ свѣзъ сердцемъ свободному искусству и сталъ рисовать въ американскихъ юмористическихъ журналахъ, наблюдая жизнь великихъ знаменитостей. Здѣсь я скоро свѣдѣлся нонуларнымъ и лично извѣстнымъ президенту Рузвельту, у которого бывало даже впрямую на чашку чаю, который очень уважаетъ меня за художественныя сочиненія. Недавно я похвѣстатъ въ самомъ распространенномъ журналѣ карриатуры на своего президента въ день его приѣзда въ Визамъ, дождъ Велъ Америка призвавъ мой рисунокъ остроумно. Самъ президентъ былъ въ неопуеимомъ восторгѣ и на другой-же день я получилъ отъ него вѣнчанную карточку со сѣдующею надписью: „Убѣдительно прошу г. Серъ Шю Карикатурашвили, сего-дняго сына озаорательнаго Грузина, пожаловать ко мнѣ въ 12 часъ дня

Шю Карикатурашвили.

на чашку чаю“. Я на этотъ разъ вѣхалъ къ другу въ грузинскій кулажъ, которая до того поправилась предельно, что была уже совершенно негодна. Не только редакція стала платить мнѣ огромныя деньги за мою работу, но и тѣ лица, на которыхъ я пишу карриатуры, прислаютъ мнѣ драгоценныя подарки.

У насъ въ Европѣ карикатуристовъ бранятъ, ругаютъ, и въ Америкѣ благодарятъ ихъ, такъ какъ умудряются нарисовать на кого-нибудь лучшее психологическое доказательство того, что онъ въ нѣкоторомъ родѣ „знаменитость“.

Хотя по рожденію я грузинъ, но за продолжительную жизнь въ Америкѣ я сталъ настоящимъ американцемъ: вѣду самую возлужу жизнь, устрою по своимъ часамъ вѣдѣние на морскомъ берегу и наблюдаю за движеньемъ судовъ, зѣдубсь морскіе анекдоты прокужу время въ клубѣхъ, играю на биллардѣ, въ фотъ-бѣлѣ и отаично знаю боксъ. По вечерамъ и сѣтану на мои зѣдѣлы и играю на шаширу, а вудель „Фадель“ смакуеть меня и зѣвастъ. Живу я постоянно въ Нью-Йоркѣ на улицѣ Вашингтона, домъ 127-й, квартира 53, въ бѣлѣ-ажажѣ. Я не знаю, что у насъ прокужу на Кавказѣ и по этому пишу въ вашъ органъ тоже доставайтъ карриатуры на злобу дня. Изъ приглаемой наики можеть быть, въ г. редакторы, воспользуетесь нѣкоторыми, но вѣстѣтъ сѣ свѣзъ убѣдительно прошу похвѣстать и мой портретъ, можеть быть нѣкоторые мои старыя зѣдѣлые мнѣ похвѣстать. Я очень соскучиваюсь о Грузіи, потому что тамъ, надѣюсь, не удивитесь, если скоро приѣду въ Берлинъ. Понта въ Колхиду на собственной великолѣпной яхтѣ. А до того времени пришлите мнѣ матеріалы и портреты „вѣдѣхъ дѣтловъ“

а также и портреты кичливых марсеновъ, которыхъ здѣсь, въ Америкѣ, называютъ кучиатами, (взято отъ грузинскаго слова კუჩი, и которые хотятъ превратить всю Грузію и все человѣчество въ одинъ огромный просторный кучило). Ударяя ласкъ карикатуры выдѣлы на славу и сдѣлать нашихъ „дучиатовъ“ своего рода „мамакитостями“—за это я безусловно ручаюсь“.

Послѣ этого письма долго небыло новостей объ Шю, но недавно редакція вновь получила серію карикатуръ уже на политическія темы, оказалось что Шю удалось достигнуть въ мѣсяцъ прохода въ Румельта. Во время Перстунскихъ событій онъ все время находился при президентѣ, дѣлалъ распоряженія съ членовъ делегаціи во время перегово-

ровъ и посылалъ разныя карикатуры въ американскіе журналы. Нѣкоторыя изъ присланныхъ намъ карикатуръ мы дождались въ сегоднешнемъ номерѣ.

Вотъ же, что намъ пока удалось узнать о Шю: онъ совершенно соответствуетъ грузинъ-американцѣ. Въ своемъ письмѣ онъ, между прочимъ, сообщаетъ по поводу въ Тифлисѣ перемѣню галти въ нашу редакцію, и мы, конечно, о нашей личной бѣдѣ съ нимъ сообщаемъ о себѣ.

Карикатуры Шю дождены съ № 1 и 2 „Кавказскаго Края“.

Ред.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА „ЗАПИСЬЮ“

на 1905 годъ

на ежедневную, политическую, общественно-литературную газету

„Кавказскій Край“

съ ежедневнымъ иллюстрированнымъ съ карикатурами приложеніемъ и мѣсячнымъ журналомъ подъ названіемъ „Кавказовѣдніе“. Ежемѣсячный журналъ будетъ высылаться бесплатно только годовымъ подписчикамъ.

Отъ кассовы.

Условия подписки съ доставкой и пересылкой.

На годъ	7 р. — к
» 6 мѣсяцевъ	4
» 3 мѣсяца	2 . 50
» 2 мѣсяца	2
» 1 мѣсяцъ	1
Безъ доставки на годъ	6
Заграницу	14

Годовымъ подписчикамъ доукается широкая расценка.

За переѣзду адреса городского и иногороднаго на иногородній уплачивается 40 к. марками.

Плата за объявленіе. Въ предѣлахъ Кавказа, за каждый разъ, впереді текста за строчку нечитя—30 к., позади текста—5 коп. Многократныя объявленія печатаются со значительной скидкой. Лицамъ, ищущимъ труда, скидка—50%. Объявленія въ предѣлахъ Кавказа принимаются исключительно въ центральный конторѣ торговаго дома Л. и Э. Метцъ и К^о въ Москвѣ; Мясницкая, д. Ситина и въ отдѣленіяхъ его— въ С.-Петербургѣ, на Большой-Морской, № 11; въ Варшавѣ, Краковское предмѣстье, № 58; въ Парижѣ, 8, площадь Бираки и печатаются по 30 к. передъ текстомъ и 20 к. послѣ текста за строчку нечитя.

Отъ редакціи.

Рукопись должиъ быть написана: на одной сторонѣ листа, ясно, съ обозначеніемъ полной фамиліи автора, его адреса и условій гонорара; безъ обозначенія этого условія рукописи считаются бесплатными.

Рукописи не напечатанныхъ статей и корреспонденціи сохраняются полгода; мелкія статьи въ редакціи не сохраняются.

Редакція оставляетъ за собою право сокращать и поправлять присылаемыя для печати рукописи.

Возвращеніе статей по долгу, а также и откѣты по запросамъ редакціи на свой счетъ не принимаются.

Объ изданіяхъ, присланныхъ въ редакцію, газета будетъ своевременно давать отзвмы. Ожидается отъ авторовъ рукописи и матеріалы. Приглашаются корреспонденты изъ разныхъ горюговъ края, а также представители и коммерческіе агенты по сбору объявленій въ предѣлахъ Кавказскаго края.

Редакторъ-издатель Б. С. Зсидзе.

ЭЛЕКТРОПЕЧАТНЯ
 „КАВКАЗСКІЙ КРАЙ“
 ГАЗЕТЫ
 Тифлиса, д. Труа. Зсбр.

ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ:
 на печатаніе книгъ, брошюръ, плакатовъ, циркуляровъ, брошюръ, календарей, бланковъ, кон-
 вертовъ, свидѣтельныхъ и визитныхъ карточекъ и на прочія всевозможныя типографскія
 работы.
Промысленный выборъ шрифтовъ.
 Принимаются всевозможныя переплетныя работы, позолота, вытравленіе контурныхъ
 книгъ, пожелто рода лицевыхъ, изготовленіе учебническихъ и другихъ тетрадей.
Самыя приемлемыя въ типографіи и въ конторѣ газетъ.
 Выполненіе заказовъ изящное и быстрое. Цены крайне умеренныя.

ВЪ СВДѢНІЮ Г.Г. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Слѣдующій № 3 газеты „Кавказскій Край“ выидеть 1-го ноября, послѣ чего газета начнетъ выходить регулярно. Лица, подписавшіяся на полученіе газеты „записью“ и не внесшія еще подписныя денги, по полученіи № 2 газеты, приглашаются выслать таковыя теперь же за время съ 1-го ноября по 31-е декабря 1905 г. — 2 руб.

- Всѣмъ годовымъ подписчикамъ будутъ разсланы М. № 1, 2 и 3 журнала „Кавказовѣдніе“, въ которыхъ помѣщены слѣдующія статьи: 1) Кавказъ въ русской литературѣ и журналистикѣ. 2) Къ армяно татарскому вопросу. 3) Свобода совѣсти и свобода церкви въ древней Грузіи 5) Илдивъ-хань, — Караканахская сказка, 6) Какъ отражались историческія событія на монетѣ Грузіи. 7) Хинингъ, изъ грузинской жизни - Д. Мегрели. 8) Предисловіе, рассказъ съ грузинскаго И. Ингорквля. 9) Судебный бытъ Закав. мусульманъ и 10) Справка о переходѣ грузинскихъ церковныхъ имѣній въ казенное Управленіе въ 1853 г.

Начать сборъ матеріаловъ и статей для сборника «Очерки о Грузіи». Редакція „Кавказовѣдніе“ убѣдительно просить лицъ, имѣющихъ у себя матеріалы, а также вырѣзки изъ разныхъ журналовъ и газетъ: „С.Петербур. Вѣд.“, „Русь“, „Разсвѣтъ“, „Сынъ Отечества“, „Слово“ и др. прислать таковыя теперь же, адресуя: Тифлисъ, редакція „Кавказовѣдніе“.

Тифлисская Городская Управа

доводить до свѣдѣнія обывателей, что съ нѣкотораго времени усилена въ городѣ убой скота, какъ мелкаго, такъ и крупнаго въ Городской Бойни. Хотя съ стороны городской торговой и общей полиціи принимаются мѣры противъ тайнаго убоя скота (въѣ бойни), но все же по многимъ случаямъ убой ускользаетъ отъ надзора и мясо, не осмтрѣнное на бойнѣ, поступаетъ въ продажу.

Такъ какъ мясо безъ осмотра со стороны ветеринарныхъ врачей можетъ быть болыное, негодное для употребленія и при употребленіи грозитъ серьезными заболѣваніями среди обывателей, то Городекая Управа проситъ самыхъ покупателей-обывателей слѣдить, чтобы на мясъ были установленныя клейма Городской Бойни объ осмтрѣ мяса (Т. Г. У.) и неклеименнаго мяса не покупать.

ПИИЩАЯ МАШИНА „АДЛЕРЪ“.

Перевека на русскъ и иностранн. языкахъ.
 Елизаветинская уа., 25. кв. 3.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Предварительная записка. Возвращая предварительную записку, прошу редакцію считать меня подписчикомъ газеты „Кавказскій Край“ на „ „ мѣс. и высылать ее по слѣдующему адресу:

Слѣдующее съ меня деньги будутъ высланы по полученіи газеты.

Подпись

Отъ редакціи.

„Кавказскимъ Краемъ“ приглашены сотрудничать и корреспонденты изъ слѣдующихъ мѣстъ: Бугалса, Батуми, Поты, Хопи, Натанеби, Геленджикъ, Суиси, Ново-Сеняки, Алдера, Чакии, Сомтреди, Чатурси, Баку, Эривани, Елизавет-поль, Карса, Джалалъ-Оглы, Шулаверы, Орду-бата, Гори, Квишхети, Сивпаха, Лагодехи, Парси-Колоди, Асрхахани, Дербента, Владикавказъ, Новоросиска, Батериюндара, Ретова

и, Д., Нѣжина, Вязно, Москви, Варшава, Гальшфорса, Петербурга, Казани, Харбина и Брюсселя.

Въ перечисленныхъ же пунктахъ организуется и розничная продажа, подписка на газету и объявленіе въ ней. Желающимъ принять на себя агентавъ приглашается зайти объ этомъ въ редакцію.

Отдѣлы газеты „Кавказскій Край“.

- 1. Телеграммы „Кавказскаго края“.
- 2. Спеціальныя телеграммы.
- 3. Послѣднія новости.
- 4. Переводныя статьи.
- 5. Политическое обозрѣніе
- 6. Политическія бесѣды.
- 7. Народное представительство.
- 8. Государственная дума.
- 9. Военныя записки.
- 10. Послѣ войны.
- 11. Тифлисскія жизни.
- 12. Кавказскія жизни.
- 13. Русская жизнь.
- 14. Заграничная жизнь.
- 15. Кавказскія печати.
- 16. Туземная печать.
- 17. Русскія печати.
- 18. Заграничная печать.
- 19. Журнальное обозрѣніе.
- 20. Вѣсти и слухи.
- 21. Писма изъ столицъ.
- 22. Наши корреспонденты.
- 23. Театръ, музыка и искусство.
- 24. Научное обозрѣніе.
- 25. Судебная хроника.
- 26. Биографія.
- 27. Засѣданія общества.
- 28. Происшествія
- 29. Писма въ редакцію.
- 30. Почтовый ящикъ.
- 31. Изъ желѣзнодорожнаго віра.
- 32. Спортъ.
- 33. Справочныя свѣдѣнія.

- 34. Офіціальныя распоряженія.
- 35. Свѣсть.
- 36. Объявленія.
- 37. Городскій вѣдъ
- 38. Крестьянскій вопросъ.
- 39. Бесѣды о земствѣ.
- 40. Изъ жизни рабочихъ.
- 41. Экономическія бесѣды
- 42. Финансы и биржа.
- 43. Сельско-хозяйственныя бесѣды.
- 44. Женскій вопросъ.
- 45. Армяно-татарская распря.
- 46. Национальные вопросы.
- 47. Аграрный вопросъ.
- 48. Писма изъ деревни.
- 49. Фельетонъ.
- 50. Маленькія фельетонъ.
- 51. Петербургскія бесѣды.
- 52. Музыкальное обозрѣніе.
- 53. Литературныя бесѣды.
- 54. Критическія записки.
- 55. Арабески.
- 56. Стихотворенія.
- 57. Минутныя бесѣды.
- 58. Улы о жизни.
- 59. Наблюденія и записки.
- 60. Истерья.
- 61. Вчера и сегодня.
- 62. Неготиумъ.
- 63. Живныя и этюды.
- 64. Неудъ полагать.
- 65. Кое о чемъ.

Книгоиздательство „Кавказовѣдніе“.

При редакціи газеты „Кавказскій Край“ организовано книгоиздательство „Кавказовѣдніе“, поставившее себѣ цѣлью изданіе серии книгъ, посвященныхъ изученію Кавказа въ историческомъ, этнографическомъ, литературномъ, социально-экономическомъ, бытовомъ и др. отношеніяхъ.

Вышла въ свѣтъ книга изъ серии:

„Жизнь замѣчательныхъ людей Грузіи“.

Выпускъ № 1-й.

БАРАТОВСКІЙ ТОМИНЪ

Критико-биографическій очеркъ съ приложеніемъ портрета и избранныхъ стихотвореній грузинскаго поэта кн. Н. М. Баратовскаго.

Все изданіе поступило въ распоряженіе Общества распространенія грамотности среди грузинъ. Дворцова, д. грузинск. двора, куда и проситъ обращаться съ требованіями.

Весь сборъ предназначается на сооруженіе намогильнаго памятника национальному поэту Грузіи по случаю исполняющагося 60-ти лѣтъ со дня его смерти.

Слѣдующій 2-й выпускъ изъ серии: „ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ“— И. Гингорква (Яншошвили).

Слѣдующая серия: „Грузія“. Выпускъ № 1-й „Гурія и Гурійцы“.

Слѣдующій 2-й выпускъ изъ серии: „ГРУЗИЯ“— „Мингрелія и Мингрельцы“— 3-й выпускъ— „Джарія и Аджарцы“.

УДѢЛЬНЫЯ ВИНА

Кавказскихъ и Крымскихъ Удѣльныхъ Имѣній.

Тифлисъ, въ Удѣльномъ подвалѣ, на Центеострой д.г.

Съ 1-го марта новыя предѣлы-куртажъ старыхъ выдержанныхъ винъ. Выпущено въ продажу старое ТЕЛІАНИ по 1 руб. 20 коп. и 1 руб. 30 коп. за бутылку. Тамъ-же отпущена и розничная продажа.

Хлопкового столоваго масла

высшей очистки имъ Мургабаго государственна имѣнія (по цѣнѣ 18 к. за ф.).

СТЕРЕОСКОПЪ

Русско-Японской войны.

Приобрѣтайте по весьма доступной цѣнѣ новѣйшій металъ, стереоскопъ съ 60-ю интересными видами

Русско-Японской войны,

показывающій буквально, какъ въ натурѣ, всѣ событія Дальняго Востока.

Цѣна, только на короткое время, 2 р. 50 к., пересылка 25 к. (II и III пояса, перес. 50 к.).

Кромѣ того, имѣются виды разнаго содержания въ 42 серияхъ, по 25 шт въ каждой, по цѣнѣ 50 коп. серія, высыл. налож. плат. безъ задатка. Требования адресовать Складу новостей Т-ва „Комета“, Варшава, Гр. 48.

БРАКОРАЗВОДНЫЯ

и уголовныя дѣла вѣду въ консисторіяхъ и судебныхъ учрежденіяхъ, а также составляю дѣловыя бумаги: по законенію и усвоенію дѣтей, о выдачѣ женамъ отдѣльнаго вида на жительство, припискѣ въ общества, о причисленіи въ почетные граждане, а также прошенія на Высочайшее имя приносимыя. Съѣты многогороднымъ письменно. Приемъ ежедневно съ 4—8 ч. пополудни. Великокняжеская ул. 56, Е. А Туржанскій. 1—(40—6)

ЧАСЫ „ХРОНОМЕТРЪ“ ЗА 8 Р. 50 К.

Взаимнѣ золотыхъ часовъ, стоящихъ 100 руб.

мы предлагаемъ часы „ХРОНОМЕТРЪ“, которые по фасону и изяществу не уступаютъ золотымъ, а за добросовѣстность металла и механизма часовъ „ХРОНОМЕТРЪ“ мы гарантируемъ на 8 лѣтъ. Часы эти Американскаго новаго золота мужские съ 3-мя ирышками очень распространены и имѣютъ большой сбытъ во всей Европѣ и за последнее время часы эти вполне вытѣснили золотые часы. Рекомендуемъ всякому воспользоваться и выписать: цѣна часовъ съ пересылкою только 8 р. 50 к. Дамские на 1 р. дороже.

Такіе же часы „ХРОНОМЕТРЪ“ открыты ходъ анкер. на 15 камн. цѣна 5 руб. 50 коп.
Цѣны поставлены дешевыя, дабы дать каждому возможность воспользоваться этими часами.

Требованія адресовать: Торгово-Экспортному Дому Т-ва „АДВАНСЪ“, Варшава, 2 контора.

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМИЯ къ вышеупомянутымъ часамъ прилагается: 1) цѣль модная „PANCER“, 2) бинокль съ видами, 3) кошелекъ къ часамъ для предохран. часовъ отъ порчи.

Л. С. Дорожновъ.

Главная контора въ Москвѣ, Пречистенскій бульварь, домъ Фетисовой.

МАГАЗИНЫ:

въ Тифлисъ, Сололакекая улица; ☆ въ Бану, Пассаажъ Лалаева;
въ Самарнандъ, Кауфманская ул.; ☆ въ Ташкентѣ, Соборная ул.;
въ Уральскѣ, Михайловская улица.

Къ политическимъ событіямъ.

Нью-Йоркъ
Виль-Валлин.

Швеція и Норвегія.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЗАВОДОВЪ

Д. В. САРАДЖЕЕВА
ТИФЛИСЪ.

Рекомендуется кавказскій натуральный коньякъ и виноградная водка.

вновь выпущенное

„СТОЛОВОЕ ВИНО № 20“.

Прозвѣда 1-го сорта: съ собственныхъ лѣсокъ №№ 1 и 2, на Дворцовой улицѣ въ лучшихъ гастрономическихъ магазинахъ.

ДОКТОРЬ

Б. А. ПОПОВЪ.

ТИФЛИСЪ.

Михайловскій пр., 157, д. Форера.

Принимаетъ по болѣзнямъ уха, носа и горла отъ 1—2 ч. дня и отъ 5—7 ч. вечера ежедневно кромѣ понедѣльниковъ.

Въ зданіи Артическаго О-ва перво-классный ресторанъ

„А Н О Н Н А“

Тифлисъ, Голзинскій.

Завтракъ съ 11 ч. до 1 ч. дня изъ 2-хъ блюдъ 75 копеекъ.

Обѣды: въ 50 к., 75 к. и 1 р.

При ресторанѣ имѣются семейные кабинеты и три биллиарда, электрическая вентиляция доводитъ до 17° температуры въ время жары лѣтомъ можно спастись только въ „Анонн“.

Сод. Н. Т. Бондаренко.

Рекомендуемъ
вновь выпущенныя
папиросы

„ДЕКАДЕНТСКІЯ“

25 шт. 15., 10 шт. 5 к.,

весьма пріятнаго вкуса

Акціонерное О-во „МИРЪ“

въ Тифлисъ.

Редакторъ-издатель Б. С. Зейдвъ.